

Кузьмин, А. На грозном волжском берегу [Текст] / А. Кузьмин // Курган и курганцы. - 2013/1. - 2 февр. - С. 4. - (Сталинградской битве - 70 лет)

О М. Д. Безбородовой (Статных) из г. Кургана, фельдшере, участнице Сталинград. битвы.

На грозном волжском берегу

Рассказ о послушной девочке, защитившей город

2 февраля исполняется 70 лет со времени разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Сегодня в Кургане осталось в живых лишь одиннадцать участников этого всемирно-исторического сражения.

Мой рассказ — о фельдшере первого дивизиона 87-го артиллерийского полка Марии Дмитриевне Безбородовой. Тогда — просто Машеньке Статных.

Предсказание

Она родилась 2 июля 1923 года в деревне Быдино Юргамышского района. Родители в коллективизацию были раскулачены и умерли от голода. Сиротами остались две несовершеннолетние девочки. Шуру, которая была постарше, отдали в детский дом, а младшую, Машу, привезли к сестре Варваре. Жили они сначала в селе Озерки, а потом переехали в Курган. У Вари уже была своя семья, своих трое детей.

Прошло несколько лет. Шура окончила курсы, ее направили работать на электроподстанцию в Нижний Тагил. Она и взяла с собой младшенькую. Сестры устроились в общежитии в отдельной комнате. Однажды, когда Маше было 12-13 лет, в их комнату зашла цыганка.

— Девочка, дай ручку, я тебе погадаю.

Я как раз обедала, на столе лежали хлеб, селедка, ириски и вода.

— Тетя, да я же еще ничего не понимаю.

— Я тебе правду скажу.

— Хорошо, только денег у меня нет, я тебе из своей еды дам.

— Покажи ручку. Ой, какая тяжелая судьба!

— Почему?

— Ты будешь в таком месте, откуда люди живыми не приходят. Но ты вернешься живой.

Марию это известие потрясло. Когда со смены пришла сестра, она рассказала об этом странном предсказании. Сестра предположила:

— Ой, неужели ты в тюрьму попадешь, что-нибудь нашкодишь? Смотри, думай о своем будущем!

Тогда они не знали, что предсказание сбудется один в один. Только не по тому сценарию, которого опасались.

Мария училась отлично. Окончила семь классов. Особенно любила химию, мечтала о работе на производстве, связанном с этим предметом, но сестра убедила пойти в медицину.

— Ты девочка послушная, там такие нужны. А может, и врачом станешь?

Мария согласилась с Александрой, поскольку была послушной. Поступила в Свердловский медицинский техникум. Их группу учили по отдельной программе: девушки подробно занимались полевой хирургией, много внимания уделялось физической подготовке, они много ползали, стреляли.

Лейтенант медицинской службы

Когда началась война, вся группа подала заявления с просьбой направить на фронт. Девушки указали в заявлениях, что владеют начальными знаниями по медицине, умеют перевязывать. Начальник техникума Покровский категорически

возразил:

— Нет, девочки, вы все рано или поздно попадете на фронт. Давайте договоримся, что вы годовую программу пройдете через полгода. И только на «отлично». Вы ведь комсомолки. И лишь тогда пойдете воевать. Так они в лихорадочной спешке заканчивали третий курс. Но в выдаче дипломов Покровский отказал:

— Пусть лежат у меня в сейфе. Кто останется живым, вышлем диплом с отличием.

Через три дня после сдачи экзаменов Марию Статных вызвали в военкомат и объявили о призыве на военную службу.

Маша пришла в казарму и увидела, что вокруг одни парни. Спросила у командира:

— Как же я спать буду?

— Вот твоя кровать.

— А как раздеваться?

— Под одеялом. И одеваться — тоже.

Гордостью Маши были две большие косы. На фронт с ними нельзя. Пришлось идти к парикмахеру. Вначале он отрезать такую красоту отказался. Его убедили слова девушки:

— Я завтра на фронт иду!

Парикмахер заплел волосы в одну косу и обрезал, да еще в качестве слабой компенсации завил короткие локоны.

В тот же день Машу навещала подружка. В это время младший лейтенант Статных лежала на кровати спиной к входу. Подружка удивилась:

— Это машина кровать, а теперь на ней какой-то солдат расположился.

Маша оглянулась:

— Я здесь.

— А где коса?

— Вон лежит, на окошке.

В тот же день свою косу Маша выслала сестре. Шура сохранила ее. Когда Маша вернулась с фронта, приложила косу, свернула ее и сходила в ателье, сфотографировалась.

Впрочем, до конца войны оставалось еще долгих три с половиной года. 87-й гвардейский артиллерийский полк входил в 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Перед отправкой на фронт офицерскому составу выдавали личное оружие. Мария была маленькой, ростом всего 150 сантиметров, рыженькой. Ну какой из нее вояка?

— Что будем делать с Машей? — спросил старшину один из офицеров.

— Зовите, быть может, она и умеет стрелять.

Поинтересовался мимоходом:

— Что тебе дать, наган или пистолет?

— Пистолет!

Мария вспомнила техникум, прицелилась и выбила двадцать семь очков из тридцати. Старшина позвонил командиру полка Владимиру Ивановичу Калашникову. Тот приказал:

— Никого не распускайте, сейчас приеду.

Построил офицеров. Приказал:

— Статных, два шага вперед!

Снял свой ремень с личным оружием и подарил за отличную стрельбу.

Пистолет, подаренный командиром, потом пригодился Маше. Любителей «клубнички» она приводила в себя одной только фразой:

— Не рыпайся сильно, я ведь лучше тебя стреляю.

Первый бой

14 августа 1942 года дивизия по понтонам переправилась через Дон, и дивизион занял позиции от хутора Нижний Акатов до хутора Верхний Акатов в 4-5 километрах южнее Трехостровской.

Окопались наспех. Командир дивизиона усадил фельдшера между двумя связистами:

— Они всегда будут в курсе дела, скажут, куда тебе идти. Все будешь знать.

Вдруг в воздухе что-то зашипело. Мария побежала к командиру батареи:

— Это фронт?

— Не волнуйся, Маша, это просто автоматчики просочились.

На самом же деле дивизия попала на самое острое удара наступавшей на Сталинград 6-й армии генерала Паулюса.

Едва девушка вернулась в траншею, раздался взрыв, и она потеряла сознание.

Очнулась через полчаса — солдаты вокруг были убиты.

Трое суток шел страшный бой. За это время никому ни разу не довелось поесть. И никто не проголодался: не до того было. К исходу третьего дня командир дивизиона майор Михаил Иванович Иванов приказал:

— Лейтенант Статных, отправляйтесь к Дону с приказом, чтобы батарея, которая будет прикрывать наш отход, заранее переправилась на восточный берег реки.

Маша посмотрела по карте: идти надо по краю затона.

Иванов напутствовал:

— Кругом неразбериха. Где свои, где чужие, непонятно. Крикнешь фамилию командира батареи: «Сурдул!», они тебя поймут и стрелять не будут.

Мария была послушной девушкой. Она шла к переправе вдоль рощи, а параллельно по дороге двигались уже немецкие части. Доносились обрывки немецкой речи, слышен был звук моторов. Мария приблизилась к затону, выкрикнула фамилию командира батареи — он узнал ее по голосу. Посыльная едва успела передать приказ и упала без сознания. Причиной тому было полное истощение сил. И тогда какой-то солдат догадался вложить Маше в руку кусочек сахара. Придя в себя, она съела сахар, с ловкостью кошки вскарабкалась на лафет. Батарея спешно преодолела переправу. Едва колеса последней гаубицы коснулись берега, мост рухнул от взорвавшейся бомбы. В это время задымила подожженная немцами баржа. Пользуясь завесой, артиллеристы замаскировали гаубицы.

Мария, человек по натуре невоенный, сообразила:

— Нужно немедленно отойти от Дона.

Командир батареи и не подумал прислушаться к ней.

Тогда девушка выскочила на дорогу, увидела какого-то офицера. Много лет спустя, после войны, она выяснила, что это был полковник Зотов. Объяснила ему ситуацию. Полковник поддержал ее, приказал отступить дальше. И только они отвели гаубицы подальше от берега, как начался сильный обстрел, участок берега был буквально перепахан снарядами.

Командир и комиссар артиллерийского полка пришли ночью. А знамя обмотал вокруг своего тела солдат — так его и спасли. От всего полка осталось 160 человек и 4 пушки. Требовалось срочное пополнение.

«За нашу Машу»

Они переправлялись через Волгу в Сталинград на рыбацкой лодке впятером. Это было 1 октября 1943 года. Волга вся обстреливалась, вокруг то и дело поднимались фонтанчики от разрывов снарядов. Мария на всякий случай высвободила ноги из сапог, если вдруг придется добираться до берега вплавь. Сейчас Мария Михайловна шутит: «Переправились мы тогда удачно, видимо, потому, что в этой лодке была главная счастливица — я».

Дивизия защищала мартеновский цех завода «Красный Октябрь». Первое знакомство с городом оказалось запоминающимся. Мария с группой офицеров направилась в заводоуправление, в подвале которого находилось бомбоубежище. И тут начался авианалет. Немцы кидали на город связки по 5-6 бомб, что увеличивало силу удара. Раздался взрыв, Мария оказалась под балкой.

Иванов спросил:

— Маша, Маша, ты живая?

— Да.

Второй взрыв вырвал рядом с цехом воронку глубиной с трехэтажный дом. Маше и ее спутникам удалось вырваться из развалин, они пробежали по дороге. Маша до сих пор помнит оскаленное лицо немецкого летчика, стрелявшего по ним из пулемета.

Задачи дивизионного фельдшера были незамысловаты: немцы стреляли, она перевязывала. Легкораненых оставляла в строю, тяжелых переправляла в медсанбат. Руки от постоянных перевязок у нее почти всегда были в крови. Когда возникала необходимость, подносила снаряды: семь килограммов для пушки и двенадцать — для гаубицы.

Однажды ей и самой довелось управлять огнем. В тот день ей передали, что командир третьей батареи легко ранен. Она пришла на позиции. Только закончила перевязку — командир взял стереотрубу, чтобы подняться на бруствер.

— Куда? — пыталась остановить его Мария.

— Надо проверить, где-то поблизости снайпер был.

Едва поднялся, разрывная пуля угодила ему прямо в голову. В это время зазвонил полевой телефон. Командир батареи Иванов передал:

— Прицел больше два, угол..., шкала..., уровень...

Мария записала. Ответила в трубку:

— А Петя убит снайпером.

— Кроме тебя, офицеров нет. Только спокойней. Записывай, что я говорю, и командуй батареей.

Мария передала слова командира:

— Батарея, четыре снаряда, беглым, огонь!

В ответ она услышала слова командира орудия:

— За родину, за Сталина, за нашу Машу!

За умелые действия в этом бою Марию Дмитриевну наградили орденом Красной

Звезды.

Капризный быт

Про нее однополчане говорили:

— Эта мышь везде пролезет и будет жива. Она бежит, кругом осколки, шинель распахнется, она ощупает ее, посмотрит, где пробило, и дальше бежит.

Пехотинцы, которых Маша тоже по-соседски перевязывала, встретив ее где-нибудь в траншее, спрашивали:

— Жива, Маша?

Она обязательно отвечала:

— Да, и жива буду!

С немцами наши солдаты находилось по соседству. Бывало, они на первом, а враг на втором этаже или наоборот. 23 октября немцы взяли мартеновский цех, но красноармейцы по приказу командира дивизии Степана Савельевича Гурьева выбили их оттуда и больше не отступали. До Волги оставалось всего-то 600 метров...

Более всего в те суровые дни солдат донимали насекомые. Воды хватало лишь для того, чтобы слегка утолить жажду, — какие тут помывка и стирка? Но бывали

и приятные минуты. По случаю 7 ноября, которое отмечалось празднично, портной сшил Марии платье из шерсти цвета хаки с окантовкой. Она надела его, вышла показаться однополчанам — и автоматически руки принялись искать карманы, как это было у брюк. Все, кто стоял вокруг, рассмеялись. Вернувшись из штаба, Мария положила платье в сумку — больше надевать его было негде. В те же дни она справила себе еще одну обновку. Как-то она шла через дорогу, размешанную в грязь, ногу не вытащишь. На ней были кирзовые сапоги сорокового размера при тридцать шестом размере ноги. К ней подошел незнакомый генерал:

— Солдат, ты из какой части?

Мария представилась:

— Лейтенант медицинской службы Статных.

Генерал помолчал и двинулся дальше. Через два дня Марию вызвали в штабную батарею, приказали снять сапоги, смерили ногу. И уже на следующий день командир вручил ей хромовые сапожки по ножке.

Тем, кто ранен, повезло

Октябрь и ноябрь — это время массовой гибели людей, месяцы больших потерь.

Однажды Марии позвонили из дивизии:

— Дальноточный снаряд прямым попаданием накрыл штаб стрелкового полка.

Иди, помоги.

Мария пришла к блиндажу, где находился штаб. Командир полка, заместитель по политчасти и несколько солдат были убиты. Начальника штаба ранило в грудь и ногу, связистку в живот. Мария собралась врачевать начальника штаба, но кто-то из офицеров крикнул:

— Перевяжи сначала девчонку, она вопит, мужчине-санинструктору не разрешает перевязывать себя.

Девушку удалось спасти.

Затем все же Мария взялась за начальника штаба. Она его хорошо знала. За неделю до взрыва Мария видела этого офицера плачущим. Тогда подошла к нему:

— Что случилось, Андрей Иванович?

— Третьего брата убили, четвертый — я. Моя очередь.

— Да вы что? Нельзя этого говорить. У вас трое детей и старики-родители.

Перевязывая офицера, Мария заодно приклеила к ране и упаковку пакета. Андрей Иванович пришел в полк через семь месяцев, разыскал фельдшера и поцеловал:

— Как же маленькие твои рученьки додумались до такого?

Оказывается, у него было проникающее ранение в легкое. Но пакет, который Мария приложила к груди, перекрыл доступ воздуха внутрь, дыхание восстановилось, и он благополучно добрался до операционного стола. Если бы не этот пустяк, его родители могли получить четвертую похоронку...

Посчитали раненых. Их оказалось семнадцать. Санинструктор сказал:

— Поедем со мной. Мне одному такое количество раненых не сдать.

Действительно, в медсанбате всех принимать не хотели:

— Везите дальше, в госпиталь.

Мария энергично возразила:

— Мне нужно находиться там, где идет бой, разъезжать по госпиталям не могу.

Бомбы и снаряды не щадили ни генералов, ни рядовых. Командир артполка Иванов время от времени говорил Марии:

— Ты далеко не уходи, вдруг меня ранят.

И действительно, за все дни боев его ранило трижды. Два раза легко. А в третий... Мария прибежала на крик и увидела, как он лихорадочно снимает с себя штаны и при этом добавляет:

— Прыгай скорей в окоп!

«Что с ним?» — подумала Маша.

И тут командир ввернул трехэтажный мат, чего раньше с ним никогда не бывало:

— Что, думаешь, я с ума сошел? Да у меня полные сапоги крови!

Мария достала нож, который для таких случаев всегда держала при себе, разрешила штанину и перевязала прошитую осколком ногу. Командира увезли в госпиталь.

Слово замполита

Заместитель командира полка по политчасти Лемешенко еще находил возможность любыми способами рассмешить солдат, поднять им настроение, а следовательно, и боевой дух. Однажды, присев отдохнуть, Мария услышала в его исполнении байку о себе:

— У нас Маша — оно.

— Почему оно, — возразил кто-то, — у неё вроде и тут, и тут есть.

— И все же я сомневаюсь. Бывало, лягу с женщиной рядом — меня всего трясет.

А она вчера после боя легла рядом, мы спали вповалку, и еще ноги на меня сложила, и, представьте, меня не трясет. Значит, все-таки она не женского пола.

Маша и сама не могла сдержать улыбки: да, Степаныч — большой затейник.

Наша пропаганда посильней немецкой будет.

Битва приближалась к концу. В

январе всем было ясно, что враг продержится недолго. 2 февраля 1943 года Мария с однополчанами стояла на высоком берегу Волги и наблюдала, как редкие конвоиры ведут большую колонну сдавшихся немецких пленных. Она вспомнила школьный немецкий, произнесла какую-то фразу, и пленные долго еще оглядывались на нее.

А полк на следующий день переправили на левый берег. Хозяйка дома, куда их определили на постой, предложила:

— Подождите немного, я приготовлю и сейчас вас покормлю.

Через пять минут в избушку вошел зам по политчасти Лемешенко. Хозяйка обратилась к нему растерянно:

— А они не дождались обеда. Спят!

Через много лет они встретились в Волгограде. Лемешенко стоял там, где они воевали, и плакал. Мария обняла его, попыталась успокоить:

— Товарищ замполит, вам же не положено плакать. Вам положено смеяться.

— Да, не положено, Маша. Но как научиться ходить по братским могилам, не плача?